

DOI: 10.31857/S032150750026135-0

Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки

© Пономарев И.В.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Резюме. Проблема наркотрафика обсуждается в научной литературе уже достаточно давно, она приобрела два измерения: политическое и научно-практическое. Первое раскрывается в статье путем анализа идеологически ориентированных научных исследований, второе – обращением к широкому спектру данных по Западной Африке.

Сильная политизированность источников вызывает необходимость особым образом разделить два уровня анализа: общий и контекстный. Поэтому акцент сделан на Центральном Сахеле: этот регион переживает сильные социальные трансформации, и важно установить, какое место в них занимает наркотрафик.

В Западной Африке транспортировка кокаина и гашиша имеет мало общего с распространенными клише. Наркотрафик опирается на глубоко укоренные в социальной ткани родственные сети, занимавшиеся и ранее контрабандой. Реификация понятий политизированного типа (наркотерроризм, наркогосударство и др.) используется в идеологических целях.

Ключевые слова: наркотрафик, Западная Африка, наркотерроризм, США, Центральный Сахель, кокаин, гашиш

Для цитирования: Пономарев И.В. Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 30–38. DOI: 10.31857/S032150750026135-0

The Definitions with a Prefix 'Narco-', and a Real Conundrum in West Africa

© Iliia V. Ponomarev^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Abstract. The problem of drug trafficking has been discussed, taking two dimensions in historiography: political and heuristic-practical. While the first is dealt with in the article by revealing some cases of policy-guided research agendas, the second is explored on the example of West Africa.

To give address to these problems, the paper distinguished different levels of analysis: apprehending of social context, strata analysis, and careful generalizing. Central Sahel takes a special attention – the region has suffered great social transformations and the question is what place has trafficking had in these processes.

In West Africa, the trafficking of cocaine and hashish is incongruent with existing simplistic stereotypes. It has relied on preexisting smuggling networks and deeply engaged with local social structures, maintaining business as usual. Reification of politicized concepts ('narco-terrorism', 'narco-states', etc.) has been utilised to advance political agenda.

Keywords: drug trafficking, West Africa, narco-terrorism, USA, Central Sahel, cocaine, hashish

For citation: Ponomarev I.V. The Definitions with a Prefix 'Narco-', and a Real Conundrum in West Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026135-0

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке проблема международной наркоторговли, в т.ч. на Африканском континенте, затрагивалась неоднократно [1; 2; 3].

С научной точки зрения эта проблема, и тем более связанные с ней дефиниции, должна была бы привлекать внимание преимущественно узких специалистов. Однако ровно 40 лет назад президент Перу Фернандо Терри своим авторитетом закрепил в массовом сознании термин «наркотерроризм» [4, pp. 2–3], а уже в 1984 г. администрация Р.Рейгана превратила его в рамочную концепцию, послужившую для оправдания вмешательства в суверенные дела латиноамериканских стран.

Эпоха холодной войны порождает схожие идеологемы: если американские исследователи склонны были видеть в наркоторговле, прежде всего, подрывную руку Москвы, действовавшую против США через союзные ей режимы в Латинской Америке, то советские ученые характеризовали её как подрывную деятельность в социалистическом лагере и других странах со стороны ЦРУ (см., напр.: [5; 6]).

С тех пор возможная «смычка» между терроризмом и криминалитетом неоднократно обсуждалась в научной литературе, политиками и прессой – далеко не в последнюю очередь на примере Западной Африки. Ученые разделились на сторонников концепции «смычки» и более критически настроенных оппонентов. Проблема приобрела два измерения: политическое и научно-практическое.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА

Термин «наркотерроризм» стал одним из наиболее распространенных клише сначала в США и только затем, в ходе «войны с террором», был спроецирован на Западную Африку.

Как показывают А.Х.Миллер и Н.А.Дамаск (США), начиная с 1984 г. и правые, и левые политические силы страны по-своему эксплуатировали «миф о наркотерроризме» [7]. Для администраций Р.Рейгана и Дж.Буша-старшего, которые и стояли за его созданием, он был необходим для оправдания «военного вмешательства в дела южных соседей Америки» под предлогом «войны с наркотиками» [7, pp. 120–121]. Что касается левых политических кругов США, то они обыгрывали «наркотерроризм» как уловку правых, «созданную *исключительно* для того, чтобы подорвать левоориентированные повстанческие движения» [7, p. 127].

Ученые приходят к выводу, что концепция «наркотерроризма», имея «диффузные предпосылки для политики», породила «нереалистичные ожидания и плохую политику» [7, pp. 119, 129]. Однако достаточно обратиться к документам Конгресса США, чтобы увидеть, что «диффузные предпосылки» концепции «наркотерроризма» были весьма выгодны для прикрытия хорошо продуманной политики¹.

Неадекватность концепции «наркотерроризма» была продемонстрирована на примере самых разных стран (см., напр.: [4]).

Особое внимание исследователей привлек Центральный Сахель, в связи с которым «миф о наркотерроризме» продолжает эксплуатироваться как западным, так и африканским истеблишментом [8; 9, p. 9]. Например, на «наркотеррористическую угрозу» неоднократно указывал осенью–зимой 2012 г. видный французский политик Лоран Фабью². Став в тот год министром иностранных дел, он приложил немало усилий, чтобы подготовить общественное мнение к французской военной интервенции в Мали. С другой стороны, и западноафриканские политики не раз акцентировали эту угрозу, т.к. на борьбу с ней западные страны выделяют щедрые средства [9, p. 3; 10, p. 337].

Критические научные работы оказывают мало влияния на риторику политиков, и этому есть причины, опять-таки уходящие корнями в прошлое.

В середине 1990-х гг., при администрации Б.Клинтона, концепция «наркотерроризма» была переформатирована: нужна была новая идея, которая бы отвечала более глобальным устремлениям США. Американские политтехнологи стали говорить о слиянии различных «международных угроз»: терроризма, наркотрафика, кибервойн, организованной преступности и распространения оружия массового поражения, – но делая особый акцент на «криминально-террористических гибридах» [11, pp. 185–186].

После событий 11 сентября 2001 г. концепция «наркотерроризма» была возрождена новой администрацией. Госдепартамент США прямо заявил о необходимости интеграции «войны с наркотиками» и «войны с террором». Сразу же нашлись ученые, которые стали обосновывать эту идеологему. Например, М.Кенни (США) подчеркивал: «Действительно, представители разведслужб США утверждают,

¹ U.S.Senate. 1989. Drugs, law enforcement and foreign policy. A report prepared by the Subcommittee on terrorism, narcotics and international operations of the Committee on foreign relations. December 1988. Washington.

² См., напр.: Barluet A. Fabius pointe la «menace narcoterroriste». *Le Figaro*, 09.12.2012. <https://www.lefigaro.fr/international/2012/12/09/01003-20121209ARTFIG00205-fabius-pointe-la-menace-narcoterroriste.php> (accessed 07.02.2023)

что антинаркотические ударные рейды в Колумбии в 1990-е гг. служат сегодня в качестве модели для антитеррористических операций в Афганистане, Пакистане, Йемене и на Филиппинах» [12, p. 187].

По мысли М.Кенни, США должны создавать в других странах как можно больше «натренированных, суперэкипированных антитеррористических ударных групп», выведенных из-под «излишнего контроля» властей [12, pp. 201–203]. Такие группы в 10–12 человек и были сформированы под эгидой Администрации по борьбе с наркотиками (*Drug Enforcement Administration – DEA*) при поддержке ФБР, ЦРУ и других спецслужб США [13, p. 80]. Среди госорганов США именно *DEA* играет важную роль в концептуализации «наркотерроризма»³.

В Западной Африке *DEA* осуществила несколько провокаций. Её агенты выдавали себя за представителей «наркокартелей» при контактах с африканцами, не занимавшимися ранее наркоторговлей: в результате были арестованы и экстрадированы в США несколько граждан. Например, в суде Нью-Йорка троим *несостоявшимся* наркотрафикантам из Республики Мали были предъявлены обвинения в «наркотерроризме»⁴, которые впоследствии, однако, не подтвердились⁵. Произвол, с которым действовали судебные органы США с подачи *DEA*, проявился в деле российского пилота Константина Ярошенко, арестованного в Либерии и осужденного судом Нью-Йорка на 20 лет тюремного заключения только за одно предварительное согласие на сотрудничество с *несостоявшимся* наркоторговцем [14, pp. 13–14].

Риторика ученых в США повела за собой некоторых европейских исследователей, которые стали рассуждать об «угрозе наркотерроризма», хотя и с разной долей критичности (см., напр.: [15; 16]). Совпадение их аргументации и терминологии с политизированным дискурсом свидетельствует, что они исполняли социальный заказ. Их построения о нексусе (лат. смычка) между терроризмом и криминалитетом (*crime-terror nexus*) отличались выявлением поверхностных (фенотипических) характеристик при игнорировании контекста. Вскоре появились схожие работы ученых из других мировых регионов (см., напр.: [17]). Но даже те работы этого направления, в которых применяется более контекстный подход, страдают поверхностностью описаний, например в отношении Центрального Сахеля [18].

При приходе к власти администрации Б.Обамы с новой силой начала отстаиваться концепция о «слиянии угроз» [11, p. 184], т.е. всё того же «наркотерроризма», но в терминах адептов Демократической партии (см. выше). Такие американские ученые, как Д.Т.Пикарелли, уделили немало усилий её обоснованию. Утверждая, что «некоторые организованные криминальные и террористические группы слились или трансформировались в новые гибридные организации» [11, pp. 185–187], он, однако, не приводит конкретных примеров.

Все эти тенденции политизации научных исследований выступают особенно резко, если учесть, что параллельно им шла критика концепции «смычки» между терроризмом и криминалитетом. Если в одних научных работах она была достаточно скромной [19], то другие прямо поставили под сомнение саму концепцию [4, 9; 20]. Особо следует отметить исследование, продемонстрировавшее отсутствие прочных связей между терроризмом и криминалитетом в Африке южнее Сахары [21].

Дефиниции с префиксом «нарко-» разнообразны, и многие из них вызывают обоснованную критику. Остановимся далее на самых известных и релевантных по отношению к Западной Африке.

В работе П.-А.Шуви (Франция) показано, что термин «наркогосударство» используется для тех же политических целей, о которых шла речь выше: «иллюзорность этого термина» и его произвольное «наклеивание в качестве ярлыка» политиками «могут служить интересам иностранных держав, делегитимизируя конкретные режимы и государства, оправдывая различные формы интервенции и политического вмешательства» [22, p. 1]. Ученый предлагает 3 критерия для отнесения конкретной страны к «наркогосударству»: «масштабы площадей, занятых под выращивание незаконных наркосодержащих растений; доля доходов от незаконного оборота наркотиков в общей экономике; и самый важный – организация самим государством незаконного производства и/или транспортировки наркотиков» [22, p. 10]. Рассмотрев наиболее яркие примеры, включая Гвинею-Биссау и Марокко, Шуви при-

³ См., напр.: U.S.Senate. 2003. Narco-terror: The worldwide connection between drugs and terrorism. Hearing before the Subcommittee on technology, terrorism, and government information of the Committee on the judiciary. 13 March 2002. Washington.

⁴ US District Court. 2009. USA vs. O.Issa, H.Touré, and I.Abdelrahman, defendants. Indictment 09 CRIM 1244. Southern District of New York.

⁵ Weiser B. Citing terror defendants' motivation, judge shows sentencing leniency. *The New York Times*, 22.11.2012. <https://nytimes.com/2012/11/23/nyregion/judges-ruling-in-qaeda-terror-case-open-ideology-debate.html> (accessed 07.02.2023)

ходит к выводу, что по данным критериям ни одна страна мира не может считаться «наркогосударством».

Несколько иным путем пошел в своем исследовании Ф.Страззари (Италия), демонстрируя, что ярлык «наркогосударство» часто бывает связан с концептом «неувавшихся/слабых государств», широко употребляемым в официальных госдокументах и политизированных научных работах в Европе и США [23]. Подробно рассмотрев ситуацию в Гвине-Биссау и Марокко, он заключает: «Эмпирический анализ обоих случаев показывает, что образ, представляющий неувавшиеся государства как захваченные неким чужеродным агентом, называемым (международная) организованная преступность, искажены ошибочными и неадекватными представлениями, хотя постоянная пропаганда в политических и научных кругах превратила его почти в *клише*» [23, р. 27].

Как в этой, так и в других работах, написанных совместно с норвежскими коллегами, Ф.Страззари старается показать, что концепты «слабых государств» и «неконтролируемых территорий» служат для оправдания западного вмешательства в дела суверенных государств Африки. Особенно наглядно эти выводы подтверждаются в отношении Республики Мали и других стран Центрального Сахеля [24; 25].

Различные исследователи указывают, что в Западной Африке никогда не было ощутимого присутствия латиноамериканских «наркокартелей», а сам этот термин едва ли применим к локальным акторам [23; 26, р. 15; 27, р. 9]. В этой связи стоит упомянуть, что его адекватность для описания во многом изменившейся ситуации и в Латинской Америке ставилась под сомнение (см., напр.: [28]).

Наконец, последние 10 лет популярными клише в Центральном Сахеле стали термины «наркоджихадисты» и «наркосепаратисты» [29, pp. 25–26]. После всего сказанного едва ли стоит упоминать об их политической ангажированности, которую отмечают многие исследователи [9; 25; 27; 30]. Достаточно указать на их прямую связь с дискурсом о «наркотерроризме», в частности на одну из его опорных тем о «наркоповстанцах», уже давно разрабатываемую американскими учеными (см., напр.: [31]). На настоящий момент только отдельные небольшие сегменты сложной мозаики движения джихада в Центральном Сахеле могут быть косвенно связаны с наркотрафиком [32].

Таким образом, термины с префиксом «нарко-» несут на себе идеологическую нагрузку и в некоторых научных исследованиях. Такие работы активно ссылаются друг на друга, чтобы создать впечатление научной обоснованности своей аргументации.

Большой корпус научной литературы по проблеме наркоторговли в Западной Африке составляют экспертные доклады, официально публикуемые под грифом специализированных исследовательских институтов. Многие из них нерелевантно воспринимают те или иные дефиниции, не до конца отсекая сенсационные преувеличения, распространенные в прессе [29; 33; 34; 35; 36; 37]. Однако до некоторой степени их можно верифицировать, сопоставляя с другими работами и источниками. Этому должен способствовать и контекстный подход, реализуемый далее путем введения двух уровней анализа проблемы: более общего по всей Западной Африке, более детального по Центральному Сахелю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАРКОТРАФИКА В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

По оценке Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), в 2004–2010 гг. через Западную Африку ежегодно проходило от 3 до 47 т кокаина [38, р. 27; 39, р. 18]. В следующем десятилетии тоннаж, по-видимому, стабилизировался на 18–23 т в год, хотя в 2019–2021 гг. наблюдался некоторый рост⁶.

Однако не раз отмечалось, что эти цифры опираются по большей части на тоннаж перехваченного кокаина, по которому затруднительно оценивать реальные объемы наркотрафика [40, р. 3; 33, pp. 212–213]. Указывалось и на тенденциозность представления данных даже в официальных отчетах по наркоконтролю, в т.ч. УНП ООН [41, pp. 10, 13; 42, pp. 3–5]. Это ставит перед необходимостью проверки каждого факта в 7–8 источниках, что и было сделано, однако из-за ограниченного объема журнальной публикации далее приводится не более трех ссылок подряд.

⁶ World Drug Report (далее – WDR). 2021. Drug market trends: cocaine, amphetamine-type stimulants. Vienna: UNODC. Pp. 20–21; Africa Organised Crime Index. 2021. Evolution of crime in a Covid world. A comparative analysis of organised crime in Africa, 2019–2021. EU: ENACT. Pp. 21, 102.

Самые крупные производители кокаина в Латинской Америке – Колумбия, Боливия и Перу, однако 70% его поставок в Западную Африку идет через Бразилию [38, pp. 8, 29–30; 39, p. 12]⁷. Трудно сказать, в каких африканских странах принимают больше нарковеществ – за последние 20 лет разные страны выходили на первый план по количеству перехваченного кокаина. Однако суммируя эти данные с другими факторами, можно выделить Гвинею-Биссау, Марокко и Нигерию (см., напр.: [38, pp. 29–41])⁸.

Африканские страны-реципиенты, имеющие выход к Атлантике, следует разбить на 3 группы.

Наиболее тесные культурно-экономические связи и, соответственно, интенсивный наркотранзит существуют внутри следующих пар стран: Гвинея-Биссау и Острова Зеленого Мыса, Марокко и Мавритания, Сенегал и Гамбия. Ко второй менее консолидированной группе условно можно отнести Гвинею, Либерию и Сьерра-Леоне. Наконец, страны Бенинского залива составляют 3-ю группу – Нигерия и Бенин, Гана и Того [39, pp. 9–14]⁹.

В дальнейшей переброске кокаина в Европу задействована вся Западная Африка, т.к. страны Центрального Сахеля (Мали, Нигер, Буркина-Фасо) играют роль транзитного коридора для всех трех указанных групп [39, pp. 14–15]¹⁰. Однако роль Центрального Сахеля этим не ограничивается. Если в первом десятилетии XXI в. самым распространенным способом переброски кокаина из Латинской Америки в Западную Африку были морские контейнеры, то во втором стали использоваться средние и малогабаритные самолеты (с дополнительными баками), способные садиться на самодельные взлетно-посадочные полосы [38, pp. 26–32; 39, pp. 11–13]¹¹. Поэтому Центральный Сахель с его огромными пустынными областями оказался альтернативным реципиентом «товара».

Для транспортировки кокаина из Латинской Америки в Западную Африку более характерны крупные партии, однако его последующая доставка в Европу осуществляется по-разному, иногда и силами 1–2 курьеров. Используются самолеты, поезда, автомашины, скоростные катера и даже самодельные одноместные подводные лодки. Кокаин переправляется не только в Испанию, Португалию и Италию, но и на Балканы и Ближний Восток [38, pp. 33–34]¹². Статистика по задержанию курьеров из стран Африки в больших европейских аэропортах показывает, что рост их числа пришелся на середину первого десятилетия XXI в., но затем началось резкое снижение [39, p. 14]¹³. Усиление контроля в аэропортах по отношению к прибывающим из Западной Африки также стало одной из причин интенсификации наземного пути через Сахару.

Такова динамика наркотрафика, если опираться преимущественно на официальные документы УНП ООН. Однако за ней скрывается масса деталей и подводных камней, которые при незнании контекста в африканских странах могут ввести в заблуждение. Во избежание этого при дальнейшем анализе будут сопоставляться данные различных источников, но с особым акцентом на Центральном Сахеле.

Для быстрого формирования наркотрафика кокаина в этом регионе существенную роль сыграл опыт некоторых кланов марокканских, западно-сахарских и мавританских арабов и берберов, и ранее занимавшихся нелегальной транспортировкой гашиша, оружия и автозапчастей [32; 42, pp. 7–16; 23, pp. 20–24]. Ему также способствовали и родственные связи контрабандистов, доставлявших бензин, сухое молоко, кускус и другие субсидируемые в Алжире и Ливии товары [37, pp. 1–4; 10, pp. 206, 318]. В этом нелегальном бизнесе было занято сравнительно ограниченное количество *локальных* акторов, как правило, хорошо знавших друг друга и имевших связи среди таможенников и других госслужащих низкого ранга [43; 44].

К 2004 г. тоннаж транспортируемого через Западную Африку кокаина стал превышать 3 т, а затем стал стремительно расти. Для сравнения обычно указывают, что стоимость одной его тонны на черных рынках Европы больше или сопоставима с годовыми военными расходами беднейших стран Западной Африки [39, p. 18; 38, p. 27]. Однако следует учитывать, что его африканский транзит приносит не

⁷ WDR. 2022. Drug market trends: cocaine, amphetamine-type stimulants, new psychoactive substances. New York & Vienna: UNODC. Pp. 15–27.

⁸ WDR. 2022. Drug market trends... Pp. 26–29.

⁹ WDR. 2021. Drug market trends... Pp. 21–22, 30–31.

¹⁰ WDR. 2022. Global overview. Drug demand, drug supply. New York & Vienna: UNODC. P. 65.

¹¹ Transnational trafficking and the rule of law in West Africa. A threat assessment. 2009. Vienna: UNODC. Pp. 13–15.

¹² Cocaine: A European Union perspective in the global context. 2010. Luxembourg: EUROPOL; Overview of serious and organized crime in North Africa. 2018. Lyon: INTERPOL. Pp. 10–11.

¹³ Transnational trafficking... Pp. 16–17.

столь уж баснословные доходы, т.к. бóльшую часть всей прибыли получают торговцы в Европе [41, р. 13]. И всё-таки из-за роста наркотрафика за какие-нибудь 10 лет ситуация в Западной Африке в корне изменилась.

Во-первых, в него оказались вовлечены отдельные высокопоставленные чиновники, военные, политики, но опять-таки всё строилось на родственных связях и часто замыкалось на конкретное лицо или клан [34, pp. 22–37; 45, pp. 308–313; 37, pp. 36–39]. В Центральном Сахеле доходы от наркотрафика дают отдельным представителям локальных элит преимущество в борьбе за поддержку населения, т.к. часть из них идет на оплату образования и медицинского обслуживания для бедных членов общины, строительство мечетей и другие социальные нужды [40, pp. 11–12]¹⁴. Теневые доходы оказали влияние и на электоральную обстановку, приводя иногда к кровавым столкновениям во время выборов [27, р. 13; 41, pp. 17–18; 29, pp. 21–22].

Во-вторых, транспортировка нарковеществ стала осуществляться по длинной цепи посредников или крупными партиями [14; 43, pp. 81–87; 23, pp. 23–24]. Партии товара от 2 до 7 т гашиша (реже марихуаны), еще 10 лет назад бывшие редкостью, все чаще и чаще перехватываются в самых разных районах Сахеля и Магриба [37, pp. 94–95]¹⁵. Одной из причин этого стало то, что теперь кокаин может обмениваться на гашиш, часть которого затем отправляется с обратным рейсом через Атлантику¹⁶. Основным производителем гашиша на Африканском континенте остается Марокко (до 700 т в год), тогда как в поставках марихуаны в Центральный Сахель растет роль стран Тропической Африки¹⁷.

Диверсификация путей и способов доставки нарковеществ отражает использование теневым бизнесом не только родственных связей, но и маркетинговых технологий. В этой ситуации оптовым поставщиком совсем не обязательно знать, куда направится проданная продукция; оптовая поставка может быть расфасована для перепродажи на более мелкие партии, расходящиеся в разных направлениях; чтобы увеличить прибыли, на каждом этапе в нарковещества могут быть добавлены примеси (мука, анальгин, сахарная пудра) [40, р. 5; 33, pp. 218–219]¹⁸.

Увеличившиеся объемы наркотрафика потребовали усиления вооруженной защиты караванов от нападений конкурентов [43, р. 88; 35, pp. 31–32]. Именно поэтому в него оказались вовлечены отдельные кланы туарегов, с детства привыкших к обращению с огнестрельным оружием [45, р. 315; 46, pp. 128–129]. Для охраны караванов стали использоваться джипы «Тойота» с крупнокалиберными пулеметами, приваренными к кузову типа пикап: столкновения между конкурентами стали намного более кровавыми [40, pp. 7, 12]¹⁹, хотя говорить о «нарковойнах» в Сахеле еще рано.

Если гашиш широко употребляется мусульманским населением, заменяя во многом алкогольные напитки, то кокаин в основном уходит в Европу, хотя его потребление растет и в Западной Африке [46, pp. 126–129]²⁰. Эти нарковещества транспортируются в самых разных направлениях: маршруты пролегают по пустыне Сахара вдоль границ между Мавританией, Мали, Алжиром, Нигером, Чадом и Ливией [40, pp. 6–9; 35, pp. 12, 26; 45, pp. 310–313]. Современная техника (джипы и *GPS*²¹) позволяет обходить редкие кордоны на дорогах, прокладывая маршруты по пересохшим руслам рек даже в незнакомой местности [26, р. 14; 44, pp. 147–159].

Наркотрафик нередко сочетается с перевозкой нелегальных мигрантов, контрабандой оружия и других товаров [37, pp. 13–65]²². Основные доходы теневые бизнесмены вкладывают в недвижимость, коммерческие и финансовые предприятия, владельцами которых, как правило, являются их родственни-

¹⁴ International Crisis Group (далее – ICG). 2018. Drug trafficking, violence and politics in northern Mali. Brussels: ICG. P. 6.

¹⁵ UN Security Council. 2020. Final report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali and renewed pursuant to resolution 2484 (2019), S/2020/785. New York: UNSC. Pp. 25–28.

¹⁶ Overview of serious and organized crime... Pp. 9–10. International Narcotics Control Strategy Report. 2019. Drug and chemical. Vol. 1. Washington: U.S. Department of State. P. 216.

¹⁷ WDR. 2018. Global overview of drug demand and supply. Vienna: UNODC. Pp. 54–57; ICG. 2018. Drug trafficking... Pp. 3–4, 19; UN Security Council. 2018. Final report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali, S/2018/581. New York: UNSC. P. 31.

¹⁸ Overview of serious and organized crime... P. 14.

¹⁹ ICG. 2018. Drug trafficking... P. 5.

²⁰ WDR. 2022. Global overview... Pp. 16, 29.

²¹ Глобальная система позиционирования.

²² Africa Organised Crime Index. 2021... Pp. 99–101.

ки [39, pp. 11–16; 42, p. 14]²³. Реальный образ современных африканцев, так или иначе связанных с наркоторговлей, сильно отличается от стереотипов прошлого: среди них немало юристов, депутатов и других людей с высшим образованием [29, pp. 12–29; 40, pp. 11–12].

Таким образом, основными действующими лицами описанной драмы были и остаются локальные акторы, не порывающие связей с социальной тканью, а совсем не «организованная преступность» традиционного типа: основанная на иерархии и живущая по своим «законам». Именно поэтому их описание с помощью категорий «наркобароны» и «наркокартели» создает превратное впечатление.

Наконец, есть и глобальные причины расширения наркорынка и теневой экономики в Западной Африке. Они связаны с ослаблением госсектора и силовых структур, произошедшим из-за навязанных коллективным Западом программ политической децентрализации и экономической «либерализации» [47; 40, p. 12]. В результате этих «структурных реформ» в Западной Африке резко возросли нелегальные перевозки товаров и людей через границы, что открыло дорогу и самым разнообразным наркотикам [36; 35, pp. 17–19]. Контрпродуктивным оказалось и вмешательство Запада в дела стран Африки под предлогом борьбы с «наркоугрозой», т.к. «международные стратегии по борьбе с наркоторговлей часто влекут за собой негативное воздействие на затронутые наркотрафиком страны, усугубляя существующие недостатки госаппарата и социоэкономические трудности» [41, pp. 10, 21–22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Транспортировка кокаина и гашиша в Западной Африке – это лишь часть нелегальных трансграничных перевозок, которые и ранее были единственным источником существования для многих локальных этнических общин. Однако за последние 20 лет наркотрафик обоих нарковеществ привел к расширению теневой экономики, в которую в разной степени вовлечены политические и этнические элиты, таможенные и правоохранительные органы, легальный бизнес и госчиновники. Эти акторы практически не объединяются в иерархические структуры, характерные для организованной преступности, а переброска нарковеществ нередко осуществляется по длинной цепи посредников, в которой отдельные звенья не имеют информации друг о друге.

Деятельность наркоторговцев, хорошо интегрированных в социальную ткань Западной Африки, не совпадает с представлениями, укорененными в массовом сознании благодаря СМИ и поп-культуре. Реальная ситуация выглядит совершенно иным образом, чем это подразумевается при использовании терминов «наркотерроризм», «наркогосударство», «наркоджихадизм» и даже «наркобароны» и «наркокартели». Особенно четко это видно на примере Центрального Сахеля, который является транзитным коридором для всей Западной Африки. Ключом к пониманию происходящего может служить только детальный анализ этнополитических факторов в отдельных странах, поэтому обрисованная картина не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Данная статья не имела целью доказать, что наркоторговцы и террористы не прибегают к сотрудничеству, что первые и вторые не могут комбинировать террор и нелегальный бизнес, что мотивы обоих этих акторов не могут до какой-то степени сочетаться. Дело совсем в другом – эти процессы и их концептуализация часто используются западными политиками и учеными для обоснования идеологических целей в рамках избранного политического курса, для оправдания вмешательства в дела суверенных стран.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бражалович Ф.Л. Географические особенности наркорынков в Азии и Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. С. 18–24. DOI: 10.31857/S032150750000687-7
Brazhalovich F.L. 2018. The Geographical features of illegal markets in Asia and Africa. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 18–24 (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750000687-7
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Наркотрафик через Африканский континент – новый вызов европейской безопасности. *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 40–50.
Abramova I.O., Fituni L.L. 2018. Trans-African trafficking of illicit drugs: A new challenge to European security. *Contemporary Europe*. № 6. Pp. 40–50. (In Russ.)

²³ ICG. 2018. Drug trafficking... Pp. 9, 11.

3. Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005.
Stepanova E.A. 2005. The role of narco-business in political economy of conflicts and terrorism. Moscow. (In Russ.)
4. Gomis B. 2015. Demystifying ‘narcoterrorism’. Policy Brief. № 9. Swansea: GDPO.
5. Ehrenfeld R. *Narco-terrorism*. New York: Basic Books, 1990.
6. Зеленский Ю.И. Контрабанда – язва империализма. М.: Международные отношения, 1985.
Zelensky Y.I. 1985. *Contraband – the peril of imperialism*. Moscow. (In Russ.)
7. Miller A.H., Damask N.A. 1996. The dual myths of ‘narco-terrorism’: how myths drive policy. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 8 (1), pp. 114–131.
8. Pellerin M. 2014. Narcoterrorism: beyond the myth. *Re-mapping the Sahel: Transnational security challenges and international responses*, ed. by C.Barrios, T.Koepf. Paris: ISS. Pp. 25–31.
9. Lacher W. 2013. Challenging the myth of the drug-terror nexus in the Sahel. Accra: WACD.
10. Lecocq B. 2010. *Disputed desert. Decolonisation, competing nationalisms and Tuareg rebellions in Northern Mali*. Leiden: Brill.
11. Picarelli J.T. 2012. Osama bin Corleone? Vito the Jackal? Framing threat convergence through an examination of transnational organized crime and international terrorism. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 24 (2). DOI: 10.1080/09546553.2011.648349
12. Kenney M. 2003. From Pablo to Osama: Counter-terrorism lessons from the war on drugs. *Survival*. Vol. 45, № 3, pp. 187–206.
13. Mullins S., Wither J.K. 2016. Terrorism and organized crime. *Connections QJ*. Vol. 15 (3). DOI: 10.11610/Connections.15.3.06
14. Berghezan G. 2012. Panorama du trafic de cocaïne en Afrique de l’Ouest. Bruxelles: GRIP.
15. Makarenko T. 2004. The crime-terror continuum: Tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism. *Global Crime*. Vol. 6 (1), pp. 129–145. DOI: 10.1080/1744057042000297025
16. Björnehed E. 2004. Narco-terrorism: The merger of the war on drugs and the war on terror. *Global Crime*. 2004. Vol. 6 (3&4), pp. 305–324. DOI: 10.1080/17440570500273440
17. Wang P. 2010. The crime-terror nexus: Transformation, alliance, convergence. *Asian Social Science*. Vol. 6 (6).
18. Teirilä O.J. 2014. The challenges to cooperation posed by the nexus of terrorism and organized crime: Comparing the situations between the Andean and the Sahel regions. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 37 (1). DOI: 10.1080/1057610X.2014.853605
19. Hutchinson S., O’Malley P. 2007. A crime-terror nexus? Thinking on some of the links between terrorism and criminality. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 30 (12). DOI: 10.1080/10576100701670870
20. Bencherif A. 2018. Le ‘crime-terror nexus’: Apories et limites d’une innovation conceptuelle. *Délinquances et innovations*, ed. by D.Décary-Héту, M.Bérubé. Montréal: l’Université de Montréal. Pp. 207–223.
21. Hübschle A. 2011. From theory to practice: Exploring the organised crime-terror nexus in Sub-Saharan Africa. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 5 (3–4), pp. 81–95.
22. Chouvy P.-A. 2015. The myth of the narco-state. *Space and Polity*. Vol. 20 (1). DOI: 10.1080/13562576.2015.1052348
23. Strazzari F. 2014. Captured or capturing? Narcotics and political instability along the “African route” to Europe. *European Review of Organised Crime*. Vol. 1 (2).
24. Whitehouse B., Strazzari F. 2015. Introduction: Rethinking challenges to state sovereignty in Mali and northwest Africa. *African Security*. Vol. 8 (4). DOI: 10.1080/19392206.2015.1100498
25. Bøås M., Strazzari F. 2020. Governance, fragility and insurgency in the Sahel: A hybrid political order in the making. *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1835324
26. Ba B., Bøås M. 2017. Mali: A political economy analysis. Oslo: NIIA.
27. Tinti P. 2020. Drug trafficking in northern Mali. A tenuous criminal equilibrium. EU: ENACT.
28. Kenney M. 2007. The architecture of drug trafficking: Network forms of organisation in the Colombian cocaine trade. *Global Crime*. Vol. 8 (3), pp. 233–259. DOI: 10.1080/17440570701507794
29. Obasanjo O. et al. 2014. Not just in transit. Drugs, the state and society in West Africa. Accra: WACD.
30. Bencherif A. 2018. Le Mali post “Accord d’Alger”: une période intérimaire entre conflits et négociations. *Politique africaine*. № 150, pp. 179–201.
31. Dishman C. 2001. Terrorism, crime, and transformation. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 24 (1), pp. 43–58.
32. Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016–2021. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 47–55. DOI: 10.31857/S032150750018779-8
Ponomarev I.V. 2022. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016–2021. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 47–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018779-8
33. De Andrés A.Ph. 2008. West Africa under attack: Drug, organized crime and terrorism as the new threats to global security. *UNISCI Discussion Papers*. № 16, pp. 203–228.
34. Mazzitelli A.L. 2011. The new transatlantic bonanza: Cocaine on highway 10. Miami: WHEMSAC.

35. Shaw M., Reitano T. 2014. The political economy of trafficking and trade in the Sahara: Instability and opportunities. Washington: World Bank.
36. Olukoshi A. 2013. Drug trafficking and its impact on governance in West Africa. Accra: WACD.
37. Micallef M. et al. 2019. After the storm. Organized crime across the Sahel-Sahara following upheaval in Libya and Mali. Geneva: GIATOC.
38. Le Pichon T. et al. 2011. The transatlantic cocaine Market. Dakar & Vienna: UNODC.
39. Bevan J. et al. 2013. Transnational organized crime in West Africa. Vienna: UNODC.
40. Tinti P. 2014. Illicit trafficking and instability in Mali: Past, present and future. Geneva: GIATOC.
41. Schultze-Kraft M. 2014. Getting real about an illicit 'external stressor': Transnational cocaine trafficking through West Africa. Brighton (UK): IDS.
42. Antil A. 2010. Contrôler les trafics ou perdre le nord: Notes sur les trafics en Mauritanie. Paris: IFRI.
43. Scheele J. 2009. Tribus, États et fraude: la région frontalière algéro-malienne. *Études rurales*. Vol. 184, pp. 79–94. DOI: 10.4000/etudesrurales.10486
44. Scheele J. 2011. Circulations marchandes au Sahara: entre licite et illicite. *Hérodote*. Vol. 3 (142), pp. 143–162. DOI: 10.3917/her.142.0143
45. Antil A. 2012. Trafic de cocaïne au Sahel. *Études*. Vol. 417, pp. 307–316.
46. Julien S. 2011. Le Sahel comme espace de transit des stupéfiants. Acteurs et conséquences politiques. *Hérodote*. Vol. 3 (142), pp. 125–142. DOI: 10.3917/her.142.0125
47. Meagher K. 2003. A back door to globalisation? Structural adjustment, globalisation & transborder trade in West Africa. *Review of African Political Economy*. Vol. 30 (95). DOI: 10.1080/03056240308374

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пonomarev Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Iliia V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 01.03.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.04.23

Принята к публикации
(Accepted) 23.05.2023